

Глава 4

Лин Чжи с нескрываемым удовольствием разглядывал только что сделанный снимок, после чего отправил его дедушке. На фото Мин Яо сидел на кровати в пижаме, и эта домашняя обстановка заметно смягчала его обычную суровую ауру.

Старейшина Мин в ответ прислал целую череду восклицательных знаков, что было ему совершенно не свойственно. Старик даже потянулся за очками, чтобы получше изучить изображение. Он никак не мог взять в толк, как Лин Чжи это удалось и почему Мин Яо вообще позволил себя сфотографировать.

Хотя выражение лица внука на снимке оставляло желать лучшего, Старейшина по опыту знал: Мин Яо не был по-настоящему в ярости. Более того, эта живая гримаса недовольства выглядела куда лучше его привычной ледяной маски.

[Лин Чжи: Я очень беспокоился, поэтому всё же решил зайти]

[Дедушка: И он тебя не выгнал?]

[Лин Чжи: Пытался, но я сослался на ваше поручение. Он знает, как вы за него переживаете, поэтому не стал отдавать приказ вышвырнуть меня за дверь]

Несмотря на это объяснение, Старейшина Мин чувствовал — здесь кроется нечто большее. Он прекрасно знал характер внука: Мин Яо был не из тех, кого можно усмирить простым упоминанием чужого имени. К тому же тот обычно болезненно воспринимал любую попытку проявить к нему заботу со стороны посторонних.

[Лин Чжи: Дедушка, если Мин Яо вдруг заговорит об этом, прикройте меня, пожалуйста]

[Лин Чжи: Мне просто кажется, что его мрачное одиночество ни к чему хорошему не приведет. Я ведь рассчитываю, что он будет содержать меня всю жизнь, так что он просто обязан быть в полном порядке]

Такая обезоруживающая честность подкупала куда сильнее притворной тревоги. Старейшина невольно рассмеялся, качая головой, и тут же пообещал поддержку. Слыша за окном шум дождя, старик вспомнил о рыбках в каменном пруду во дворе: только когда они мечутся и плещутся, вода в пруду остается живой, а не превращается в стоячее болото.

На следующее утро небо прояснилось. На дорогах еще блестели лужи, в которых отражались очертания зданий. Спустившись к завтраку, Лин Чжи столкнулся с Мин Яо, который как раз собирался уезжать.

Безупречно сшитый костюм подчеркивал широту плеч мужчины, сидящего в инвалидном кресле. Лин Чжи невольно вспомнил вчерашнюю сцену: сквозь прорези домашней одежды у Мин Яо угадывался рельеф мышц — явный признак того, что тот упорно тренирует верхнюю часть тела. Но если у него хватает воли на это, почему он так категорически отказывается от реабилитации?

Пока Лин Чжи перебирал в уме варианты, Мин Яо холодно произнес:

— Распорядись, чтобы постельное белье из моей спальни сожгли. Оно испачкано.

Муж явно говорил это намеренно, не сводя с него взгляда. Однако Лин Чжи не разозлился и не почувствовал себя оскорбленным. Напротив, эта мелочность показалась ему довольно забавной. Тратить слова на того, кто тебе безразличен — пустая трата времени. Мин Яо думал, что выражает решительный отказ, а Лин Чжи видел в этом лишь ребячество.

Впрочем, это было объяснимо. Авария произошла, когда Мин Яо был совсем юным. Последовавшая за ней изоляция, череда семейных трагедий и глубокая психологическая травма заставили его с головой уйти в бизнес, закрыв свой мир для всех остальных. Оборвав все эмоциональные связи, кроме привязанности к деду, он застраховал себя от новых потрясений. В нем парадоксально уживались зрелость воротилы и почти детская прямолинейность в чувствах.

— А кровать сжигать не будем? — невозмутимо парировал Лин Чжи. — Если она тебе тоже больше не нужна, можешь просто перенести её в мою комнату. Твоя кровать выглядит так, будто спать на ней — одно удовольствие.

Мин Яо понял, что снова недооценил бесстыдство этого человека. Окутанный волной ледяного гнева, он молча покинул дом. Спускаясь в лифте, он так сильно сжал поручни, что костяшки пальцев побелели. Прошлой ночью он так и не смог нормально выспаться: в комнате застыл сладкий аромат чужого присутствия, а в снах Лин Чжи раз за разом спрашивал, не добавит ли муж ему еще сто тысяч.

Если бы можно было вернуться в прошлое, Мин Яо ни за что не позволил бы Лин Чжи даже приблизиться к деду. Дядя Цзинь называл этого парня «милым», Старейшина Мин хвалил за «послушание», но это был сущий абсурд. Перед ним был поверхностный, тщеславный и алчный человек. Снаружи — блеск и золото, а внутри — лишь гниль да труха.

Солнце медленно клонилось к западу. После работы Мин Яо поехал к Старейшине на ужин — с его последнего визита прошло уже немало времени. Старик в это время возился в саду со своими капризными цветами. Из-за вчерашнего ливня ему пришлось экстренно переносить горшки в дом, но от высокой влажности два растения всё же начали вянуть, чем несказанно расстроили хозяина.

Глядя на внука, который после короткого «здравствуй, дедушка» снова погрузился в угрюмое молчание, Старейшина подумал, что Лин Чжи прав: Мин Яо и впрямь был мертвенно неподвижен, словно застоявшаяся вода.

Ужин проходил в тишине. Разговор вращался исключительно вокруг дел корпорации и планов развития, пока Старейшина, желая сменить тему на более домашнюю, не заговорил о Лин Чжи.

— Этот суп действительно отлично восстанавливает силы. В последние дни я чувствую, что аппетит вернулся. Раньше с приходом лета мне и смотреть на еду не хотелось, а в этом году всё иначе. Рецепт этого лечебного отвара принес Лин Чжи, и он оказался на удивление действенным.

— Это его прямая обязанность, — негромко фыркнул Мин Яо.

За триста тысяч в месяц парень просто обязан был проявлять усердие.

— Верно, он ведь всё-таки мой внук-супруга, — нарочито подчеркнул старик, наблюдая за реакцией Мин Яо.

— Вы прекрасно знаете истинную природу нашего брака, — холодно отозвался тот.

Старейшина тяжело вздохнул.

— Я старею, Мин Яо. Возможно, мне осталось не так уж много времени. Послушай, то, что случилось... это не твоя вина. Тебе пора попробовать...

— Дедушка, вы проживете до ста лет, — ровным голосом перебил его Мин Яо.

Его тон оставался непреклонным, и Старейшине оставалось лишь сокрушенно покачать головой.

О визите Мин Яо к деду Лин Чжи узнал от 01 в ту же секунду. Это было ожидаемо. Он велел Системе внимательно следить за графиком мужа и через несколько дней нашел идеальный момент для «случайной» встречи. Мин Яо собирался посетить один светский прием, приглашение на который также получила компания «Цимин».

Лин Чжи обратился к Ху Туну. Хотя Второй молодой господин Ху не жаловал подобные деловые рауты, ради друга он решил помочь тому «выйти в свет» и раздобыл заветную карточку.

Прием проходил на крыше роскошного отеля. С огромной террасы открывался захватывающий вид на ночной город. Хрустальные люстры дробили свет, превращая его в россыпь драгоценных искр. Под звуки струнного оркестра гости вели неспешные беседы, обмениваясь любезностями.

Лин Чжи предъявил приглашение и под вежливый поклон распорядителя вошел в зал. К счастью, прежний владелец тела успел обзавестись парой приличных костюмов. Не самый дорогой бренд, но для этого случая вполне подходящий. Свободных денег у Лин Чжи почти не осталось — выплаты от Мин Яо мгновенно ушли на покупку заводика мороженого, а до следующего транша было еще далеко.

«Давно я не был так стеснен в средствах, — с легкой иронией подумал он. — Забытое ощущение»

На таких мероприятиях не обязательно быть знакомым, чтобы завязать разговор. Лин Чжи взял бокал вина и непринужденно пристроился к одной из групп, легко влившись в беседу. Его безупречные манеры и умение поддержать любую тему создавали впечатление, что перед гостями — отпрыск какого-то знатного семейства, поэтому лишних вопросов ему не задавали.

Прошел час, карманы Лин Чжи пополнились десятком визиток, но Мин Яо всё не было.

[01: Он наконец-то прибыл! Если бы я не следила за его геолокацией, решила бы, что он пропустит вечер]

Лин Чжи не был удивлен. Мин Яо делал организаторам одолжение самим фактом своего присутствия. На важные конференции он являлся минута в минуту, но светские рауты явно были для него лишь скучной повинностью. Появление главы Корпорации «Мин» вызвало предсказуемое оживление: толпа начала медленно дрейфовать в его сторону.

Лин Чжи не стал приближаться. Потягивая вино, он продолжал разглядывать пейзаж за окном.

[01: Хост, вы не пойдете к нему?]

«Разумеется, нет, — отозвался Лин Чжи в мыслях. — Он меньше всего на свете хочет, чтобы кто-то здесь узнал о нашей связи»

К тому же ему было не о чем говорить с мужем при свидетелях — это лишь спровоцировало бы ненужные слухи.

[01: Тогда зачем мы сюда пришли?]

«Ради финала, 01. Кто сказал, что встреча должна произойти в разгар веселья?»

— Добрый вечер.

Раздавшийся рядом голос заставил Лин Чжи обернуться. Перед ним стоял элегантный молодой человек лет двадцати восьми с мягкими, интеллигентными чертами лица. От него веяло спокойствием и уверенностью.

— Меня зовут Цю Цинжун. Рад знакомству. Вот моя визитка.

Лин Чжи принял карточку и прочитал название компании: Биотехнологическая компания «Хэшэн». Корпорация «Мин» была лидером в этой отрасли, а «Хэшэн» — её давним конкурентом. Они то объединялись против иностранных гигантов, то вели ожесточенные подковерные войны. Это была классическая игра на выживание.

Лин Чжи был несколько удивлен его инициативой, но ответил своей дежурной фразой:

— Лин Чжи. Прошу прощения, у меня с собой нет визиток.

— Я знаю. Я наблюдаю за вами некоторое время. Прозвучит, возможно, дерзко, но ваши взгляды на текущие тренды, которыми вы делились с другими гостями, мне очень близки. Например...

Цю Цинжун оказался прекрасным собеседником. Он умело развивал темы, не давая разговору затухнуть. Он заметил Лин Чжи с самого начала — новое лицо, неясный статус, грация, с которой тот лавировал в этом море тщеславия... Всё это интриговало. Да и внешность юноши была из тех, что врезаются в память.

Он не был похож на холодную лилию или бледную луну. Скорее, он напоминал экзотический цветок, распустившийся в сумерках: его кажущаяся незащищенность усыпляла бдительность, но в то же время заставляла инстинкты кричать об опасности.

Цю Цинжун облек эти мысли в полушутливую форму, заставив Лин Чжи негромко рассмеяться:

— Господин Цю, вы очень оригинальны.

«Смелая и прямая проверка», — оценил Лин Чжи про себя, сохраняя на лице вежливую улыбку. Из-за внешней мягкости конкуренты часто недооценивали его, понимая слишком поздно, что перед ними — прекрасный, но опасный хищник.

Лин Чжи легко подхватил следующую тему, и Цю Цинжун с готовностью вторил ему. Беседа с умным человеком всегда доставляет удовольствие, особенно когда тот намеренно старается быть приятным. Лин Чжи чувствовал его интерес, но не подавал виду. Будь это в его прошлом мире, Цю Цинжун мог бы его заинтересовать, но сейчас, когда перед ним был такой «нефрит», как Мин Яо, всё остальное казалось пресным.

Мужчины в глазах Лин Чжи иногда были чем-то вроде валюты: сами по себе они не имели значения, важна была лишь та эмоциональная выгода, которую они приносили.

В какой-то момент он почувствовал на себе тяжелый взгляд. Обернувшись, он увидел в центре зала Мин Яо и, не скрывая улыбки, издали поднял в его честь бокал. Мин Яо ответил коротким холодным взглядом и тут же отвернулся, продолжая разговор с партнерами.

— Вы знакомы? — с любопытством спросил Цю Цинжун.

— Можно и так сказать, — Лин Чжи прищурился. Вряд ли кто-то в этом зале мог предположить, что они связаны узами брака.

— Не хотите подойти и поздороваться вместе?

Лин Чжи было всё равно, стоит ли за этим предложением простая вежливость или тайный умысел, и он мягко отказался.

— В таком случае, я пойду. Буду рад пригласить вас на дегустацию вин при случае. Господин Лин, беседа с вами была истинным удовольствием.

Лин Чжи вежливо кивнул, провожая его взглядом. Прежний хозяин тела не отличался крепким здоровьем, и выпитое за вечер вино начало давать о себе знать. Лин Чжи зашел в уборную, чтобы вымыть руки, и по пути небрежно отправил визитку Цю Цинжуна в мусорную корзину.

[01: Что-то не так? Вы же так мило общались!]

В шуме воды Лин Чжи тщательно смывал следы вечера с ладоней. Между взрослыми людьми многие смыслы передаются мимолетным взглядом. Он видел симпатию Цю Цинжуна, но у него была своя «гигиена чувств».

Цю Цинжун был безупречен, обходителен и галантен, но именно эта отточенность выдавала слишком богатый опыт. Возможно, его было не так много, но для Лин Чжи этого было достаточно, чтобы вычеркнуть его из списка кандидатов.

Капли воды блеснули на зеркале, отражая мягкую, но холодную улыбку юноши.

«Он обесценился», — мысленно ответил он Системе.

Как купюра, вышедшая из обращения, такой человек не мог принести ему подлинного драйва. Лин Чжи никогда не вступал в связь с теми, кто не соответствовал его внутренним стандартам «чистоты». Разумеется, если возникнет деловая необходимость, он не позволит личным

предпочтениям помешать сделке — это было бы непрофессионально. Но в этом мире его целью был Мин Яо, и контакты с людьми из «Хэшэн» были ему ни к чему.

При мысли о Мин Яо улыбка Лин Чжи стала шире.

<http://bllate.org/book/15821/1422559>